

В.В.Козлов, ЯрГУ

Вопрос о кризисе гуманитарных наук, об их неспособности корректно описывать феномены религии, культуры, психики, сознания обсуждался в XX веке неоднократно. Всякий раз этот кризис был связан с тем, что классический научный подход "срезал" специфику гуманитарных явлений, уподобляя их явлением природы, а предполагаемые новые подходы, стремящиеся сохранить эту специфику, оказывались недостаточно научными, в смысле их соответствия критериям классической науки - объективности, рациональности, повторяемости, предсказуемости и т.д.

Многочисленность проектов новых гуманитарных подходов, а также "новой науки", способной адекватно познавать и природу, и человека, завидное постоянство поисков в этом направлении и отсутствия решающей новой научной парадигмы - все это в совокупности наводит на мысль, что ситуация кризиса связана с наиболее фундаментальными предпосылками и ограничениями классического научного познания мира.

Занимаясь изучением традиционных психотехнических культур, мы также сталкиваемся с трудностью их научного описания на языке психологии, лишь иногда усматривая в отдельных аспектах какое-то подобие структуры. Мир психотехники - это мир практического психологического знания, искусства, мастерства, это традиционные методы саморегуляции, управления психическими и психосоматическими процессами и состояниями сознания. Традиционные - значит существующие в контексте практической, духовной или религиозно-философской традиции. В более широком смысле психотехника может рассматриваться как основа любого психического процесса, поскольку невозможна даже произнести осмысленное предложение без наличия техники порождения речи или совершить моторное действие без сформированных функций управления движениями.

Таким образом можно зафиксировать три основных взгляда на психотехнику:

- 1) как на фундамент любого человеческого опыта;
 - 2) как на традиционную психокультуру вообще;
 - 3) как на традиционную психокультуру саморегуляции и самосовершенствования.
- Следует также различать психотехнику и психотехнологию. Психотехника в большей степени является искусством, мастерством. Психотехнология же является конкретным методом для конкретной ситуации.

В процессе изучения психотехнических культур мы постоянно натываемся на границы собственных возможностей выражения, осмысления, понимания. Дальнейшее размышление показывает нам, что эти границы не связаны, по-видимому, лишь со способностями отдельного человека, но более фундаментальны. Они укоренены в

общечеловеческих, более того, в онтологических характеристиках сознания и возможностях его описания в существующем научном языке.

Ситуацию, наглядно демонстрирующую это, можно назвать ситуацией разрыва между двумя мирами – теорией и практикой психологии: миром научной психологии и миром психотехники. Известно, как мало психология может помочь в ряде наисущественнейших областей человеческой жизни, сколь велика нужда в элементарной психологической помощи, консультации, психологической культуре отношений. А эта культура закладывается с раннего детства и развивается таинственными путями, которые очень сложно воспроизвести намеренно, и очень трудно получить знание об этих путях, на основе которого можно было бы излечить болезни человеческих отношений, восполнить, скажем, отсутствие любви. Мы также знаем, что многие вещи в человеческом мире не возникают от желания этих вещей: требуются какие-то другие фундаментальные условия для их осуществления.

Вспомним ситуацию, которая уже много столетий очерчивает проблему взаимосвязи научной психологии и практических психологических знаний в европейской культуре. Известно, что Декарт - великий философ и один из основателей европейской науки, европейского рационализма - считал, что такой науки как психология нет и быть не может. Наше знание о душе имеет принципиально вненаучную природу и не может стать предметом теоретического научного мышления. Источником этого знания, по Декарту, является практический опыт, мы набираем его, "вращаясь в свете, путешествуя и т.д. Другой великий мыслитель - Кант, считал, что научная психология либо невозможна, либо неинтересна, бессодержательна. Такая психология способна выражать столь ничтожную часть человеческого опыта, что не имеет никакой практической пользы. Опуская множество менее известных имен, напомним позицию Фрейда, который утверждал, что психоанализу невозможно научиться: настоящий психоаналитик столь же редок, как настоящий художник, ученый, и т.д. И наконец, приведем свидетельство Э.Берна, известного современного психолога, основателя транзакционного анализа. Он писал, что практические психологические знания пятилетнего ребенка намного превышают теоретические познания профессора психологии.

Итак, - ничтожество наших научных психологических знаний, с одной стороны, и безбрежная область практической психологии, с другой.

Кентаврическая природа психотехнического языка указывает на необходимость иных обосновательных процедур научного знания, нежели в классической науки. В частности требуется освоить и осмыслить иные формы рефлексии - телесные, эмоциональные, целостные, разработать проблему "мыслящего тела". Психотехника невозможна вне телесной культуры. Другое дело, что тело здесь - не физико-биологический объект, а "воплощенная разумность", владеющая органами, не данными от природы, а созданными в процессе развития.

Психология и психотехника: возможен ли синтез? Ответ на этот вопрос зависит от наших базисных установок. Если мы вернемся к выше рассмотренной типологии знания и попытаемся пофантазировать о том, какой будет будущая психология, то вполне

вероятно, что эта психология сможет работать не только с рациональным, явным, отчуждаемым знанием, но также с рациональным, неявным, отчуждаемым и неотчуждаемым знанием. И развитие в этом направлении уже наблюдается в психологии телестности и экзистенциально-феноменологической психологии. Наиболее удачные проекты и идеи в этой области связаны с тем путем, который в каком-то смысле уже пройден на Востоке, а именно с разработкой языков состояния создания и введением понятий телесной, чувственной и эмоциональной рефлексии. И на этой основе, расширив базисный алфавит переживаний и состояний, построить психотехническую дисциплину. Такой проект ободряет тем, что в нем возможно получить систему психотехнических состояний и найти закономерности их связи взаимоперехода, организовать эмпирические психотехнические знания по определенной системе. Ведь без получения форм фиксации этих знаний в традициях, пусть работающих с неклассическим материалом, невозможно удовлетворить столь важным критериям научности, как предсказуемость и воспроизводимость. Основная функция науки - объяснять и предсказывать, и если аналогичные вещи будут достигнуты в языке состояний сознания, то это будет наука во вполне традиционном понимании.

Однако, остаются еще множество иных типов практического знания, для научного знания которых в рамках классической науки пока не просматривается никаких перспектив. Возможно, в ходе дальнейших поисков, возникнут контуры иной, неклассической науки, каким-то пока неизвестным образом объединяющей в себе явные и неявные, практические и теоретические, воспроизводимые и невозпроизводимые знания, поиски точных и гуманитарных наук. Например, трансперсональная психология, которая первоначально заявляла о себе как дисциплине имеющей дело с человеческим опытом во всем антропологическом масштабе, дисциплине, преодолевающей антропоцентризм, эгоцентризм, трансцендирующей культурные границы, исследующей мистический и религиозный опыт, при попытке стать теоретической, обратилась как раз к тем областям современной науки, где наблюдается выход на поверхность новых идей, идет поиск новой научной парадигмы. Ведь те проблемы, с которой столкнулась психология, проявляются и в квантовой механике, и в современной биологии, и в социологии и в других науках. И это отчасти увенчалось успехом. Об этом, например, говорит тот поразительный факт, что исторически более ранняя гуманистическая психология не имеет развитой теории, а трансперсональная психология имеет несколько теоретических подходов, которые являются весьма плодотворными.

Тем не менее, между психологическим и психотехническим видением человека существует глубокое различие. Психологическая парадигма в конечном итоге укоренена в механистическом видении (будь то бихевиористическая схема или компьютерная метафора). Она работает с аналитической картиной психики. Психотехническая же укоренена в органическом видении (биологическом, голографическом). Она работает с целостными, гештальтными состояниями. И в этом смысле задача науки, которая пытается понять психотехнику, состоит в том, чтобы научиться воспринимать принципиально неаналитические, целостные образования. А эта проблема стоит не только в психологии.

Другое отличие в том, что психотехника связана прежде всего с духовными практиками,

с человеком развивающимся, с созданием для человека новых зон свободы через психотехническое освоение мира. В этом процессе впервые создаются новые возможности действий и обстоятельства, новые свободные пространства, которые по сути являются инструментами дальнейшего развития. И каждую следующую зону свободы нужно вновь завоевывать творческими актами, а не манипулятивными или репродуцирующими действиями. Как всякий инструмент, психотехника таит в себе и благо, и зло, может использоваться не по назначению - для развития, а для манипулирования собой и другими. Поэтому столь существенна антитехнологическая установка, которая всегда содержится в этическом слое традиционных психотехник.

По прогнозам ряда культурологов XXI век будет не столько веком компьютеров и биотехнологии, сколько веком психотехники. И в это можно поверить, видя громадный интерес человечества к методам самосовершенствования. Следует довериться тому, что это будет время, когда научная психология и психотехника сформируются в новую целостную дисциплину, которая будет больше, эффективнее, стройнее и понятнее, чем современная психология.